

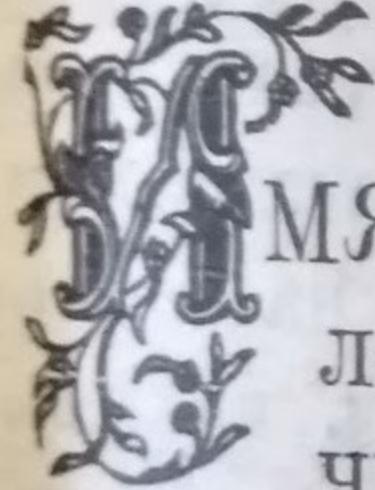
Священникъ Ѡ М. Пестряковъ.

(По поводу 15-лѣтія его сотрудничества въ „Р. П.“).

Священникъ Ф. М. Пестряковъ.

(По поводу 15-лѣтія его сотрудничества въ „Русск. Паломникъ“).

ВМЯ „Ф. Пестрякова“ — священника Филиппа Мелетіевича Пестрякова — хорошо извѣстно всѣмъ читателямъ „Русскаго Паломника“... Въ теченіе пятнадцати лѣтъ неутомимый поэтъ ежегодно печаталъ въ нашемъ журналѣ столько глубоко-прочувствованныхъ изящно обработанныхъ произведеній, что даже у тѣхъ

изъ читателей, которые знакомы съ нашимъ журналомъ сравнительно недавно, поэзія о. Филиппа Мелетіевича обрисовывается чертами очень опредѣленными.

Многовѣковая исторія поэзіи вообще представляетъ два рѣзко-очерченныхъ типа. Одни изъ поэтовъ отрывали челоуѣчество отъ земныхъ, будничныхъ интересовъ и на крыльяхъ своего вдохновенія уносили его куда-то далеко-далеко, въ необъятную ширь небесъ, погружали его въ глубину общечелоуѣческаго идеала счастья. Но какъ само счастье, къ которому стремится челоуѣкъ, столь неуловимо, что не поддается строгому опредѣленію нашего разсудка, такъ и поэзія этихъ выразителей общечелоуѣческаго настроенія не можетъ быть заключена въ строго-опредѣленныя формулы. Она не знаетъ ни странъ свѣта, ни народовъ, ни прошлаго, ни настоящаго; она не знаетъ ни начала, ни конца того порыва, — то свѣтло-радостнаго, то мучительно-тяжелаго, который захватываетъ душу, чтобы извлечь изъ нея хоть одинъ аккордъ той пѣсенки, воспоминанія о которой не могутъ вытравить никакія „скучныя пѣсни земли“, никакія мелочи жизни. Она влечетъ челоуѣка за предѣлы міра, къ вратамъ Эдема, гдѣ вся жизнь — свѣтъ, радость, счастье, влечетъ не только радужными надеждами, но и раздирающимъ душу отчаяніемъ... Плоды такого вдохновенія, это — по истинѣ — „Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“, — Богъ даже тогда, если бы вдохновеніе вылилось изъ души поэта даже невѣрующаго. Вотъ „простенькое“ восьмистишіе:

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы,—
Подожди немного,
Отдохнешь и ты!..

Ни одно о слова о Богѣ, о томъ мірѣ, гдѣ нѣтъ угрюмыхъ вершинъ, замирающей въ ночной тишинѣ жизни, — но у кого не вырвется глубокой вздохъ въ предчувствіи какого-то „отдыха“, который — такъ и чувствуется — наступитъ въ какой-то невѣдомой странѣ, наступитъ такъ же обязательно, какъ затишье природы подъ покровомъ безмятежной ночи...

Иное впечатлѣніе оставляетъ въ нашей душѣ та поэзія, которая захватываетъ настроенія „летучія“. Она очень опредѣленна, потому что поддается измѣренію. Много—если она живетъ вѣка, а часто отживаетъ не больше десятилѣтія; появившись въ Россіи, она не трогаетъ европейца, —увлекая француза, кажется дѣтскимъ лепетомъ человѣку русскому; она можетъ жечь сердца, но—немногихъ, даже самыхъ чуткихъ къ поэзіи; она можетъ глубоко западать въ душу, но не надолго.

Религіозная лирика по самому существу дѣла можетъ быть поэзіей только перваго типа. Идеалы религіозной поэзіи вѣчны и всеобъемлющи. Но если и свѣтскій поэтъ можетъ „ручья разумѣть лепетанье и говоръ древесныхъ листовъ понимать и чувствовать травъ прозябанье“, то поэтъ религіозный глубже, чѣмъ кто либо другой, проникаетъ въ эти тайны природы и въ ея величественныхъ явленіяхъ, гармоничныхъ звукахъ и чарующихъ картинахъ—находитъ отблескъ той красоты и величія, которыя свойственны только Первообразу. Если и свѣтскій поэтъ въ многообразныхъ явленіяхъ жизни видитъ намеки на жизнь идеальную, то поэтъ религіозный открываетъ здѣсь дыханіе Божества и отъ міра печали и слезъ, мишурнаго блеска и минутныхъ

удовольствій, уносить насъ къ вѣковѣчному Идеалу счастья, всесовершенной Истинѣ, безкорыстному Добру и несравненной Красотѣ...

Такова поэзія и Ф. М. Пестрякова. Какъ истинный поэтъ, Ф. М.—чуждается такого творчества, которое прежде всего обращаетъ вниманіе человѣка, владѣющаго рѣмой,—воспроизведенія въ поэтической формѣ готоваго сюжета. Его творчество всегда самобытно, возвышенно, образно, изящно, задушевно. Высшіе запросы духа встаютъ передъ нимъ при каждомъ, часто незаметномъ явленіи, потому что оно обращаетъ на себя его вниманіе не фактической стариной, а той, которая сродна душѣ истинаго поэта,—стороной идейной. Естественно, поэтому, что, читая Пестрякова, восторгаешься не только изящной формой, но прежде всего—перезживаешь настроеніе самого поэта; естественно, что такой поэтъ находитъ себѣ откликъ въ сердцахъ своихъ читателей. Вотъ одно изъ многочисленныхъ писемъ, полученныхъ редакціей отъ почитателей поэта:

Милостивый Государь.

Читая ваши глубоко-сердечныя стихотворенія, проникнутыя горячей неподдѣльной религіозностью, я всегда испытываю душевную бодрость: хочется молиться, работать Богу и ближнему. Недавно я со вниманіемъ прочелъ ваше стихотвореніе «На новый годъ», помѣщенное въ журналѣ «Русскій Паломникъ». Какъ вы сознательно смотрите на жизнь! Сколько желанія служить Творцу!..

Дай Богъ, чтобы душевныя ваши силы, а равно и вашъ поэтический талантъ, росли, крѣпли и проявляли свою поистинѣ полезную въ наше атеистическое время, религіозно-правственную дѣятельность въ формѣ божественной поэзіи. Такія стихотворенія, какъ ваши, очень необходимы, и я отъ души желаю, чтобы страницы почтеннаго «Паломника» почаще замѣщались вашей святой, возвышенной поэзіей. Еще повторяю: дай Богъ вамъ силъ и крѣпости въ наступившемъ Новомъ году!

До сихъ поръ я не знаю ни имени, ни отчества; письмо направляю черезъ редакцію «Р. Паломника» съ передачей вамъ.

Пожелавъ вамъ еще всѣхъ благъ, остаюсь глубоко почитающій васъ за ваши святые возвышенныя идеи

А. П. Третьяковъ.

Литературная дѣятельность о. Ф. М—ча началась еще на школьной скамьѣ. Сынъ священника Харьковской губерніи, Филиппъ Мелетіевичъ еще во время обученія въ мѣстной семинаріи посвятилъ часы досуга литературному творчеству, и одно изъ своихъ стихотвореній читалъ на вечерѣ, въ присутствіи избранной публики, за что удостоился лестныхъ отзывовъ мѣстной печати. По выходѣ изъ семинаріи онъ состоялъ воспитателемъ дѣтей извѣстнаго (нынѣ умершаго) художника-скульптора Лансере. Впослѣдствіи поступилъ на службу въ духовное вѣдомство, гдѣ пробылъ пятнадцать лѣтъ. За это время о. Филиппъ Мелетіевичъ напечаталъ массу стихотвореній въ иллюстрированныхъ изданіяхъ: „Задушевное слово“, „Звѣзда“, „Воскресеніе“, „Петербургъ“, „Сѣверъ“, „Новь“ (нынѣ „Новый Міръ“), „Родина“, „Литературные вечера“ и др., но особенное вниманіе даровитый поэтъ всегда оказывалъ „Русскому Паломнику“. Кромѣ стихотвореній Ф. М. писалъ много корреспонденцій въ разныя газеты и работалъ надъ составленіемъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Какъ на выдающуюся работу въ этомъ отношеніи, можно указать на книгу: „Моя первая священная исторія“ (съ иллюстраціями), изданную Т-вомъ Вольфъ въ СІВ. Книгу эту можно видѣть въ каждой элементарной школѣ и въ дѣтскомъ саду, не говоря уже о частныхъ домахъ. Въ настоящее время, по разстроенному здоровью, о. Ф. М—чь оставилъ приходскую службу и живетъ въ г. Харьковѣ, занимаясь препода-

ваніемъ Закона Божія въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ, насколько намъ извѣстно, пользуется симпатіями учащихся.

Никакія, однакъ, занятія не могутъ заглушить въ поэтѣ того внутренняго огня, который заставляетъ его изливать свое вдохновеніе, и намъ остается только радоваться, что и въ настоящее время Ф. М.—чѣ не оставляетъ своей поэтической дѣятельности.

И. Мглинскій.

* * *

Отъ души желая глубокоуважаемому Филиппу Мелетіевичу еще много лѣтъ здравствовать и съ прежнимъ усердіемъ продолжать у насъ сотрудничество, не можемъ не привести здѣсь же его стихотворенія, которымъ онъ откликнулся на нашу просьбу—напечатать посвященную его литературному юбилею статью И. Мглинскаго и фотографическій портретъ. Увѣдомляя о своемъ согласіи, онъ писалъ:

Пятнадцать лѣтъ подъ парусами
 Я плылъ среди житейскихъ волнъ,
 И заныть былъ не разъ волнами
 Мой утлый и убогій челнъ.
 Реветъ бури надо мною,
 Вокругъ кипѣло море зла,
 И часто я скорбѣлъ душою,
 Но не сложижъ въ борьбѣ весла.
 Плаву впередъ, пока есть силы,
 Тржусь, пока есть силы жить...
 О, если бѣ вѣселъ до могилы
 Господь помогъ мнѣ не сложить!

Редакція.

